

КОНЕЦ XIX ВЕКА ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Легенды, что обо мне рассказывают, гласят примерно следующее.

Сначала ты увидишь, как через небо, словно сияющая комета сквозь туман, пронесется серебряная полоса.

Вслед за этим стрелки часов остановятся на полпути между секундами.

Мир погрузится в тишину, и в дверь твоей спальни трижды постучит жнец.

И неважно, откликнешься ты или нет, смерть войдет в комнату сквозь замочную скважину.

Жнец запустит руку в твое горло и вытащит душу, словно бесконечную веревку, из самой глубины, из нутра. Ты умрешь в мире, где не будет никого, кроме тебя, собирателя душ и немигающего взгляда его зеленых глаз.

Только, разумеется, городские легенды редко правдивы.

Этой ночью жатвы, когда я открыла окно спальни, человек, по душу которого я явилась, уже проснулся. Люди, особенно тяжелобольные, всегда чувствуют приближение одного из нас.

Я перемахнула через подоконник, волоча за собой длинный подол, и увидела, что мужчина на кровати смотрит на меня. Его можно было принять за мертвого, так неподвижно он лежал, однако при этом он неотрывно следил за каждым моим движением. Я повернулась захлопнуть окно, затем вытащила из кармана часы и сжала корпус из золота и серебра, замораживая время.

Все звуки за пределами маленькой комнаты стихли. Перестал биться в окно ветер, затих хруст шагов по укрытому снегом тротуару, умолк треск половиц под ногами жильцов этажом ниже. Больной неподвижно лежал под одеялами, словно уже ушел в небытие. Я пересекла комнату и прижала палец к его впалой щеке.

От холодного прикосновения застывшее время выпустило из зубов его глотку, и мужчина пришел в себя, очутившись со мной в бесконечной паузе между мгновениями. В нашем крохотном мире остались лишь его рваные выдохи и скрежещущие вдохи, влажное моргание лихорадочно блестящих глаз да подергивания рук и ног на жестких простынях.

— Ты пришла убить меня? — спросил умирающий.

По сути, нет. Время его смерти было записано в высших учетных книгах с самого дня рождения, и я никоим образом не мешала свершиться предначертанному. Не палач, но освободитель. Я не в силах извлечь душу, не готовую покинуть тело.

— Да, — ответила я, шагнув ближе.

Моя тень упала на кровать, погрузив его бледное лицо в призрачную тьму.

Мужчина смежил веки и несколько раз хрипло вдохнул. Когда же снова посмотрел на меня, в уголках глаз у него показались слезы.

— Будет больно? — прошептал он.

Я выдержала паузу: пусть помучается от неизвестности. Не моргнула, не перевела дыхание, только смотрела сверху вниз с непроницаемым выражением лица.

— Понятия не имею, — наконец ответила я. — Ни разу не умирала.

Он хотел услышать другое, но меня это не волновало. Спросил — я ответила. Зрачки мужчины расширились, превратившись в две зияющие черные пропасти, кости затряслись под тонким покровом кожи. Он потянулся ко мне дрожащей рукой. Я наблюдала за его потугами, но даже не попыталась помочь, лишь выудила из кармана маленький стеклянный флакон.

— Рай существует? — спросил мужчина, ухитрившись вцепиться хрупкими пальцами в край моего мерцающего серебром плаща. Я взглянула на его лихорадочно трясущуюся руку: посеревшая кожа туго обтянула кости. — Жнец, умоляю, ответь мне! Я попаду в рай?

Я усмехнулась. Больной перестал дрожать. То ли, затаив дыхание, ждал подтверждения, а может, застыл от ужаса при виде моей зловещей ухмылки у его смертного одра. Только и нравилось мне во всей церемонии, что этот взгляд, будто я нечто ужасное, потрясающее, способное порвать на клочки весь мир. Никто, кроме людей, не взирал на меня с таким благоговением.

Если честно, я не знала, куда отправляются души после освобождения. Высшие жнецы болтали о рае и аде, я же там никогда не бывала и подозревала, что этими байками они просто снимают с себя всякую ответственность. С тем же успехом можно толковать о Санта-Клаусе, единорогах или Боге. Но люди так страстно верили во все это, прямо как в то, что я являюсь с кометы и прохожу сквозь

замочные скважины. Умиравший далеко не первым задавал подобные вопросы. Он решил, что я — сама смерть, а не одна из ее детей на посылках. Когда меня спрашивают, я всегда отвечаю.

— Рая нет, — сообщила я. Перекошенное лицо мужчины посерело, хватка ослабла. — И ада тоже нет, — добавила я. — Нет ничего, кроме смерти.

Текущие из его глаз слезы подтверждали: если рай и существует, я туда не попаду. Но мои учителя всегда говорили, что испорченные души, подобные моей, обречены гореть вечно, поэтому мелкая гадость погоды не сделает.

Мужчина стал выкликать имена, должно быть, людей из комнат по соседству, которые все равно не могли его услышать, пока время заморожено. Терпеть не могу нытье. Меня не трогают угрозы, посулы и ярость, но тоскливые мольбы просто иссушают изнутри. Кажется, каждое слово отчаяния оставляет на коже шрамы, видимые только мне. Я часами чешусь после подобных историй, а вопли потом настырно звенят в голове, не давая уснуть.

Я накинула цепочку часов на шею, как медальон, удостоверилась, что металл касается кожи, и принялась за работу.

Прижала лоб умирающего, не давая пошевелиться, и сунула ему в рот большой палец, разжимая челюсть. Мужчина задыхался и плакал, пока я просовывала руку глубоко в глотку. Нащупав размытые края его души, я ухватила ее и выдернула наружу.

Из губ мужчины выплыло облачко золотистого тумана, сверкающее яркими огоньками, которые двигались все одновременно, словно созвездия. Мне попадались души, сделанные из черной смолы и желчи, души из бледно-розовой сахарной ваты и даже такие, что взрывались фейерверком.

Как и всякая человеческая жизнь, души уникальны и прекрасны лишь краткий миг, а затем рассыпаются прахом.

Душа бесцельно покружилась, пока я откупоривала сосуд, и стремительно просочилась внутрь, притягиваемая костяным стеклом. Как только я запечатала флакон, душа помутнела, посерела и опала на дно пеплом. Я вырезала на пробке перочинным ножиком цифру 7, так как это была моя седьмая жертва за ночь, сунула сосуд в мешочек, затянула шнурком и бросила в карман, где тот брякнулся на шесть предыдущих пузырьков.

Мертвец с отвалившейся челюстью лежал на постели, а на подушку продолжали течь слезы. Я закрыла ему рот и глаза, вознося предписанную молитву Анку, Отцу смерти, Королю жнецов*.

Я никогда не встречала Анку, но всегда и везде ощущала его присутствие, точно так же, как люди чувствуют неосознанное: любовь или ненависть. Все жнецы были его подданными, рожденными на полпути между людьми и богами, обязанными служить и поддерживать баланс в мире смертных. Нас считали кошмарным злом, не представляя, как сильно мы на самом деле нужны. Смерть пугала, а благодаря страху люди становились более интересными. Без смерти человечество оставалось бы вялым и косным. Даже жнецов рано или поздно настигает коса смерти.

В Британии мы служили Анку, но в каждой стране жнецы покорялись своей особой Смерти. В Китае — Яньло, правителю Пятого судилища ада, Царства Стенаний, Пыток и Воплей. В Мексике жнецы были подданными Санта

* Анку (брет. ankoù) — образ смерти в бретонской мифологии. Является в облике высокого человека с длинными белыми волосами или в облике скелета, везет похоронную повозку. Тот, кто встретит Анку или услышит скрип его телеги, вскоре умрет. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Муэрте, святого скелета в ярком платье, покровительницы отвергнутых. А в Норвегии смерть воплощала Песта, чумная ведьма, сеющая гибель пыльной метлой. По крайней мере, так гласили легенды.

Но я как никто знала, что легенды эти были словно развесистые деревья, выросшие из крохотных семян правды.

Когда я прошептала молитву Анку, мои губы онемели от языка смерти. Священные слова взлетали к Королю, взывая о благословении как моей проклятой души, так и души покойного. Язык мертвых витал в воздухе дольше любого человеческого наречия, будто звуки его врезались в саму ткань вселенной. Он был искаженным и проклятым, этот язык, что понимали все, но произносить могли лишь создания смерти. Когда ледяная ночь поглотила молитву, я распахнула окно и выбралась в застывшую тьму.

Снежинки парили в воздухе, словно звезды в беззвучной галактике, вороны замерли в полете, широко расправив черные крылья. Всего в квартале от меня за невидимой гранью падал снег. Я была слишком молодой собирательницей и до сих пор не могла контролировать время на большом расстоянии.

Как бы я хотела остаться навеки в застывшем мире, тихом и спокойном, но, разумеется, это было невозможно.

«Время не создается, но крадется, — повторяли Хранители времени всякий раз, когда упрекали меня за медленную жатву. — Ты заплатишь за каждую украденную секунду». Само собой, ведь для сохранения баланса во вселенной все дополнительные мгновения, что мы утаивали в процессе жатвы, Анку отрезал от наших собственных жизней. Нам было суждено провести украденные минуты, останавливая часы и собирая души, ведь только так мы могли быть уверены: люди не увидят нас до своего смерт-

ного дня и мы останемся лишь городскими легендами и суевериями. Жнецы жертвовали своей жизнью, чтобы человечество никогда не открыло пугающую правду. Люди инстинктивно всеми силами боролись со смертью, но не могли победить нас, поскольку до последнего мгновения не знали о нашем существовании.

Жизнь жнецов длилась тысячи лет, а поэтому потеря каких-то минут не играла особой роли. Но часы, дни и месяцы крали только полные придурки. Всякий раз, останавливая ход времени, мы слышим далекое тиканье, что усиливается с каждой украденной секундой, напоминая: сколько бы мы ни пытались прикарманить, однажды смерть придет и за нами.

Я прижала руку к медальону, что так и болтался на шее, холодя кожу под одеждой. Мои часы, сделанные из чистого золота и серебра, были ключом, контролирующим время. На свою сотую годовщину каждый жнец получал такие. Хранители времени отмечали по ним всякий след, оставленный нами, всякую украденную секунду, что причислялась к нашему долгу. Сквозь золото и серебро время просачивалось в кровь, а затем слетало с кончиков пальцев, куда я пожелаю. Каждые часы были уникальны, на их изготовление требовалось несколько месяцев, и их невозможно было передать другому. Мы оберегали свои хронометры пуще родных детей. В конце концов, бездетные жнецы оставались жнецами, а вот жнецы без часов становились просто очень медленно стареющими людьми.

Я сняла цепочку с шеи, натянула капюшон и сунула часы в карман.

Время разморозилось в тот самый момент, как я отпустила металл, и в то же мгновение ледяной порыв завывающей вьюги сорвал капюшон с моей головы. Я снова на-

кинула его, хоть руки тут же застыли на ветру, потому что никому нельзя было увидеть цвет моих волос. Если меня заметят, у меня будут проблемы.

Нужно было вернуться домой до Последней жатвы, а иначе я застряла бы на улице до следующих сумерек. И тогда брат непременно нарушит комендантский час и отправится разыскивать меня, а значит, мы оба окажемся снаружи, когда церковные гримы* выйдут на охоту. Я-то с ними справлюсь, но вот Нивену придется туго. Церковные гримы выглядят как собаки, а Нивен скорее собственные часы съест, чем убьет собаку.

Кроме того, терпеть не могу бродить с полным карманом необработанных душ, ведь стекло сосудов хоть и прочное, но не вечное. Если, например, я упаду с часовой башни, или меня насадят на кованую ограду, или толкнут под коляску, флаконы разобьются и души застрянут в мире смертных.

Я пробежала через Белгравию, глубокой ночью почти безлюдную. Площадь, словно тюремные вышки, окружали огромные белые особняки, бойницы окон верхних этажей глазели на улицы. Я промчалась мимо покосившихся зданий красного кирпича на Уилтон-Кресент, свернула с открытого пространства и нырнула в темные боковые улочки, надеясь спрятаться в тени.

Как только я оказалась на Кадоган-плейс, время снова изменилось.

* Церковные гримы (англ. church grim, kirk grim) — в английском фольклоре духи, следящие за благосостоянием отдельной церкви. Церковный грим создавался во время жертвенного ритуала при строительстве церкви: в стену заживо замуровывалось животное, которое наделялось ролью стражника. Могут являться в виде черных собак или маленьких темнокожих человечков.

Я ощутила призрачную руку на шее и обернулась, но на морозной улице больше не было никого. Не слышалось ни далекого гудения труб, ни глухого стука копыт по мостовой, ни отголосков разговора из соседнего квартала — только бесплотная тишина. Каждый мой вздох звучал громче крика.

Я подняла капюшон и посмотрела на миллион снежинок, застывших в воздухе, но не по моей воле.

Шла бы я, бежала или ползла — меня ничего бы не спасло. Их холодные руки втащили меня в замороженный мир. Они наблюдали, скрываясь в тени, выжидая, что я предприму дальше.

Они отлично знали, что чем дольше таятся в тишине, тем более страшные картины я воображаю, представляя, как меня разорвут на кусочки, разнесут по косточкам. В отличие от людей, которые встречают их лишь раз в жизни, перед тем как душа унесется в пустоту, я прожила рядом с ними почти два столетия.

Стоило слагать городские легенды о таких жнецах, как они, а не о подобных мне. Пусть я и ужасная, но новичков бояться не стоит.

Вот какие истории следовало бы рассказывать людям. Сначала ты почувствуешь на лице их руки, прикосновение смертельного холода пробудит тебя ото сна.

Затем стихнет тиканье часов, и ты останешься один в темноте. Лишь дыхание участится в абсолютной тишине.

На полпути между сознанием и смертью зрение затуманится из-за недостатка кислорода, и к тебе приблизится фигура в серебряном плаще — чтобы погубить тебя.

Время лентами извивается в их руках, и они вольны перерезать эти ленты, скрутить или затянуть вокруг твоего горла.

Они могут так заморозить время, что ты выпадешь из мира, застрянешь в застывшей картине.

Они могут так замедлить время, что ты попадешь в ловушку вязкого янтаря, тратя столетия на один-единственный вдох и мучительно осознавая происходящее.

Они могут вонзить белые ногти в самое сердце, выудить худшие моменты твоей жизни, а затем закольцевать их и вечно воспроизводить снова и снова.

Они изгоняют из семей слабых и ломают спины любownikам. И пока им что-то от тебя надо, ты никогда, никогда не будешь в безопасности.

— Привет, Рейн.

Слова прозвучали где-то за спиной, женский голос у левого уха предсмертным звоном разнесся по всему телу. Исковерканное имя эхом отдавалось в голове: «Рейн, Рейн, Рейн» — словно стук капель по крышам. Мое настоящее имя звучало иначе.

Мама, которую я не помню, назвала меня Рэн, «лотос» по-японски. Я это точно знала, потому что, как у всех шинигами*, иероглифы кандзи были выгравированы на моем позвоночнике несмываемыми черными чернилами. Однако отец записал меня в книгах как Рейн — «дождь». Такое имя, хоть и не особенно примечательное, лучше подходило британскому жнецу. Хоть звучало похоже, но все же я хорошо различала, кто звал меня настоящим именем, а кто коверкал его на английский манер.

— Что стряслось, Рейн? — шепнул другой голос прямо в правое ухо.

Им так нравилось коверкать мое имя, растягивая гласную, как большую ириску, потому что они обожали демонстрировать пренебрежение. За пределами семьи нам полагалось

* Шинигами (яп. 死神) — в современной японской культуре проводники в загробную жизнь.

обращаться друг к другу «жнец» или «собирательница», но подобного соблюдения этикета ждать не стоило.

— Ты сегодня подозрительно тихая, — произнес третий голос, и вот его я узнала.

Но не успела и рот открыть, как меня поймали за руки и повалили на спину прямо в снег. Неподвижные снежинки тянулись вверх, сколько хватало глаз, постепенно теряясь в застывшей бесконечности тускло-черного неба.

На мою челюсть обрушился ботинок, впечатывая лицо в снег. Белая вспышка — и мозг будто расплющился о стенки черепа. Пятка впивалась в висок, я лежала распластанная, ожидая расправы, совсем как души в кармане моего плаща.

На кончиках моих пальцев опасно вскипело адское пламя. Однако прежде чем оно вырвалось наружу, я вдохнула холодный воздух и плотно сжала веки, заставляя палящий свет погаснуть.

Тем глазом, что не был впечатан в колючие кристаллы, я взглянула на нападавших.

Ботинок, который вжимался в мою щеку, вполне предсказуемо принадлежал Айви, ведь именно она всегда появлялась в самый неподходящий момент. Серебряный плащ колыхался у нее за спиной, словно чистая река, сотканная из шелка и лунного света. Пепельно-русые волосы, цветом подобные кости, падали мягкими локонами. Айви была прекрасна идеальной красотой собирательницы. Казалось, снежинки пролетают сквозь нее, будто она наполовину растворилась в другом мире. Острые черты лица, глаза всех оттенков северного сияния мерцали переливами драгоценных камней и далеким звездным светом.

Я не походила ни на нее, ни на остальных жнецов.

Мои глаза и волосы были цвета Ёми — японского подземного мира и Царства Вечной Ночи, места, куда не осмеливался заглянуть ни один лучик. Назвать это цветом было сложно — скорее, полным отсутствием оного. Именно потому я всегда зачесывала волосы назад и натягивала пониже капюшон: если меня увидят, я стану мишенью.

Мою левую руку сильнее вжали в асфальт, и я предположила, что это Сибил. А за Сибил обычно следовала Мэвис, хотя какая разница, кто не давал мне подняться. Надо мной издевались все Высшие жнецы, но где-то рядом постоянно маячила Айви.

Ботинок приподнялся, давление ослабло, отчего у меня сразу закружилась голова. Синяки исчезнут за пару минут, но до того момента Айви наверняка наставит мне куда больше. Она пошевелилась, и я напряглась, но ботинок всего лишь отбросил назад мой капюшон.

Черные волосы рассыпались по снегу, словно пролившееся масло, коса растрепалась от удара.

— Можно подумать, одежда скроет твою истинную сущность, — бросила Айви.

— Полукровка, — прошипела Мэвис, еще сильнее прижимая к тротуару мою руку.

— Не смей отворачиваться от Высших жнецов, когда они обращаются к тебе, — приказала Айви.

Я подняла глаза к небу и встретила взглядом с главной мучительницей, ее радужки превратились в тошнотворный водоворот лилового и зеленого.

Она склонилась ко мне, и я снова инстинктивно зажмурилась, представляя тысячи разных видов боли, которые мне могут причинить. Каждый мускул напрягся, вздрагивая от предвкушения агонии. Ноги чуть подергивались, как у пришипленной бабочки. Я до скрежета сжала зубы, во-

ображая мир, где смогу отбиться без последующего наказания Верховного совета, где найдется могущественный защитник, кому я буду безразлична.

Боль не приходила мучительно долго. Мои мышцы напрягались все сильнее, сотрясаясь от напора.

А затем с непривычной мягкостью Айви собрала мои волосы и приподняла со снега. Я открыла глаза в то мгновение, когда перед лицом промелькнули ножницы, блеснув в слабом свете фонарей.

— Нет! — вскрикнула я, сопротивляясь рукам, которые прижимали меня к земле.

Я рванулась, но в меня вцепились еще сильнее. Я не могла встать, не навредив нападавшим, а если покалечу их, это дойдет до Верховного совета.

Так что я только заметалась, словно выброшенная на берег рыба, глядя на неподвижные снежинки и пытаюсь максимально усложнить троице задачу.

Я знала, что мои локоны неправильного цвета, и мне никогда не стать красивой, как ни старайся, но это были мои волосы, и я не хотела отдавать их Айви.

Она схватила меня за подбородок и поднесла ножницы к самому зрачку.

— Не шевелись, или вместо волос заберу глаз, — предупредила мучительница.

От ее слов по коже побежали мурашки. Наверное, именно таким тоном Айви обращалась к людям перед тем, как забрать их души, потому что я обмякла, точно увядающее растение. И пусть порезы быстро затягивались, а кости возвращались на место в течение нескольких минут, глаз мне отращивать еще не доводилось, и я не горела желанием узнать, каково это.

Я застыла, боясь даже пошевелиться, чтобы серебряные лезвия не сдвинулись ни на миллиметр. Меня сдерживала

не угроза боли, а предвкушение того давящего ощущения, когда ножницы пронзят мой глаз и зрение рассыплется калейдоскопом. От этой мысли тошнило, но я могла только пялиться на острые лезвия, мерцающие серебром под уличным фонарем.

Задний план расплылся сонной дымкой, и я слишком поздно поняла, что Айви обращает против меня время, растягивая момент все дольше и дольше. Я лежала в ловушке мира, где были только я, ножницы и ожидание вонзающихся в глаз лезвий. Айви могла столетиями продержать меня в таком состоянии. Я запаниковала, хотя не могла ни пошевелиться, ни вдохнуть. Медленные удары сердца участились, легкие молили о глотке кислорода, который, по сути, был им не нужен. Я смотрела, смотрела, не в силах отвести взгляд, лезвия казались все более острыми и зловещими, они будто приближались, и вдруг мне захотелось, чтобы Айви уже выколола мне глаз и положила этому конец. Чтобы все закончилось, закончилось, закончилось...

Внезапно ножницы исчезли из поля зрения, и я ахнула, безвольно упав в снег. Сибил и Мэвис смеялись где-то рядом. Я обливалась холодным потом, глаза горели от сухости, хотя прошло лишь несколько секунд.

— Посмотри на нее, вся трясется, — бросила Сибил, тыча пальцем мне в щеку. — Вот так наследница Высшего жнеца.

— Да не станет она наследницей. — Мэвис набрала пригоршню грязного снега и сунула мне в лицо.

Глубоко внутри я хотела подняться до Высшего жнеца им назло, пусть побесятся. Вот только шансов не было. Отец никогда не станет готовить меня к вознесению, хоть я и его первенец.

Айви схватила мою растрепанную косу, и я вспомнила, зачем ей понадобились ножницы. Я сжала зубы, когда взмах острых лезвий обрушил на снег пряди волос. Краем глаза я заметила, что газовый уличный фонарь, попавший в заморозку времени, бросает на нас и снег слабый круг света.

«Это неважно, — сказала я себе. — Все хорошо, ты цела, это вообще не имеет никакого значения».

Но слова, что я шептала, не достигали сознания. Пламя уличного фонаря сердито билось в стеклянной клетке, вторя моему отчаянию. Отрезанная прядь упала мне на плечо, и я вонзила пальцы в снег, принуждая себя зажмуриться и вознести молитвы к темному святилищу в надежде успокоиться. Но слишком яркий огонь проникал даже сквозь веки.

Мне нужно было взять себя в руки, пока пламя не разгорелось ярче. Помню, как в мои пятьдесят отец схватил меня за плечи и затряс так сильно, что в глазах помутилось, а вокруг валялись осколки взорванной лампочки. «Жнецы не контролируют свет, — орал он. — Никому не показывай!» Храни свою тайну. Будь маленьким вороненком и никогда больше не делай ничего подобного.

И отец был прав, потому что британские жнецы не могли контролировать свет. А вот японские жнецы — шинигами — умели.

Мое происхождение ни для кого не было секретом, но мы оба знали, что, если Высшие жнецы почувют опасность, дело окончится плохо.

Высшие могли так управляться со временем, как мне и не снилось, но какой от этого толк, если они не смогут меня увидеть? Кто знает, как далеко они зайдут, чтобы удержать меня в узде, сохранить свою власть?

Хоть я и ненавидела отца, тот был прав: нельзя показывать мою силу шинигами.

— Ой, кажется, из-за тебя она расплакалась, — съязвила Мэвис.

Ножницы затихли. Айви подняла мой подбородок.

Неужели я и правда плакала? Даже лица не чувствовала, все тело сотрясала дрожь — так сильно я старалась не обрушить на нас поток огня и осколков. Грань между контролем и хаосом истончилась до такой степени, что вся моя энергия уходила на сдерживание. Пусть Айви закончит поскорее, пока я не взбесилась и все не испортила.

— Бедняжка, — протянула садистка, вытирая слезу с моей пылающей щеки. Ее ногти, острые, словно зубы змеи, впились мне в лицо. — Я же говорила тебе смотреть на Высших жнецов, когда им угодно что-то сказать?

Я открыла глаза, и слова вырвались прежде, чем я успела сдержаться:

— Заканчивай уже!

Улыбка исчезла с лица Айви, и она дернула меня к себе так, что челюсть хрустнула, а голову пронзила боль.

— Ты этого хочешь, полукровка? — прошипела она. — Чтобы я тебя прикончила?

Ее слова скользили по мне, обвиваясь вокруг шеи и запястий. Глаза Айви вспыхнули цветом индиго, темная глубина затягивала.

«Да», — прошептало что-то внутри меня.

Я знала: угроза пустая, но иногда мне хотелось, чтобы так и случилось.

Жнецы жили почти два тысячелетия, если кто-то более могущественный не обрывал их бранный путь раньше срока. Люди — слабые создания: они могут содрать со жнеца кожу, отрезать руки и ноги и вырвать сердце из груди,

но убить меня им не под силу. Церковные гримы и демоны мощнее, способны даже обглодать мясо до костей, но и они не в состоянии меня прикончить. Однако Айви была Высшим жнецом, и, если она вздумает раздробить все мои кости в порошок о тротуар, а затем отобрать мою душу, ей это удастся.

И все же Айви не станет меня убивать, потому что после смерти воспоминания жнецов попадают к Анку, и она не сможет сохранить убийство в тайне. Даже Айви не избежать карающей косы Анку.

И все же в минуты, когда сердце наполнялось той же ночной темнотой, что и мои глаза, я мечтала о смерти.

Айви наклонилась ниже, ее волосы упали плащом, скрывая нас от остального мира.

— А что, если мы привяжем тебя к этому фонарю и оставим до рассвета? — прошептала она. — Братишка придет оттаскивать церковных гримов?

— Не надо, — с судорожным выдохом ответила я.

Пальцы, уже наполненные неестественным теплом, произвольно дернулись. Я ненавидела, когда Айви упоминала Нивена, и она отлично это знала. Мой бедный младший сводный братик, которому повезло родиться полноценным жнецом, но не повезло заполучить такую сестру.

Когда Нивен забирал души детей, то держал их за руки и пел колыбельные. Он разрешал старикам помолиться и рассказывал им истории про Небеса, как там все чудесно и ничто им больше не навредит. Но из-за меня у Нивена никогда не будет друзей, он не войдет в Верховный совет, навсегда останется только братом шинигами. Нивен мог отречься от меня, как наш отец, но вместо этого приносил бездомных кошек, строил надо мной башни из книг, пока

я спала, а еще показывал на стенах театр теней, когда я пыталась читать.

Айви не имела права произносить его имя.

— Он расплатится, если увидит, что тебе откусили пальцы и выпили глаза?

— Не смей, — повторила я, но слова прозвучали безжизненно и неуверенно.

— Или обрадуется, что наконец-то свободен?

Я закусила губу и взмолилась, чтобы боль помогла мне сосредоточиться, увела внимание от света фонаря, который разгорался все ярче, грозя взрывом битого стекла и огня. Ведь только правдивые слова ранят в самое сердце.

— Как думаешь, он тебя быстро забудет? — продолжала Айви. — Лет через пятьдесят, пожалуй?

Я еще сильнее сжала зубы. Айви была права. Жизнь жнецов тянулась тысячелетия, а Нивен провел со мной каких-то сто лет. Время сотрет у него из памяти мое лицо, хочет он этого или нет.

Огонь снова ярко полыхнул под колпаком фонаря оранжевым, синим и солнечно-белым. Я закрыла глаза, но продолжала видеть разбросанные по снегу пряди, и ножницы, и лунный свет, и свою душу, навеки потерянную в вечности, и лицо Нивена, и... «Все хорошо, ты цела, это вообще не имеет никакого значения». Но снег заискрился в разгорающемся пламени, и наш маленький кружок света, убежище от зимней тьмы, превратился в сияющий прожектор посреди Лондона. «Я не могу это остановить».

Айви наклонилась еще ближе, касаясь моего уха холодными губами.

— Тебя никто не вспомнит, — прошептала она, — будто и не было никогда.

И в этот момент я окончательно утратила контроль, самообладание разлетелось на куски.

Слабый огонь фонаря взметнулся и заполнил свою стеклянную клетку. Это было уже не теплящееся пламя, а обжигающий звездный свет, который обесцвечивал ночное небо и стирал краски с улиц. Высшие собирательницы заозирались.

— Не смотрите! — крикнула я, но они, как обычно, не обратили на меня никакого внимания, и свет выжег мягкую плоть их глаз.

Мучительницы закричали и отпустили меня, закрывая лицо и падая на землю. Я заслонила голову рукавом, защищаясь от взорвавшегося стекла. Тысячи острых кристаллов посыпались вниз, словно адский огонь, ярко-белыми вспышками прожигая дыры в плаще. Заморозка времени схлопнулась, снег залепил мне лицо и затушил пламя, оставив клубящийся дым. Я стряхнула тлеющие угольки с подола и обернулась к трем слепым и рыдающим Высшим собирательницам, которые скорчились в лужах растаявшего снега. Их плащи тихо дымились, окруженные прядями моих волос.

Глядя на эту сцену, я не смогла сдержать ухмылки: «Вы сами это заслужили — валяться у меня в ногах». Но злорадное чувство исчезло так же быстро, как и появилось, будто внезапно навалилась тьма. Я посмотрела на свои дрожащие руки, усыпанные осколками стекла, на обрезанные волосы, щекочущие лицо, на всхлипывающих собирательниц, пытающихся утереть кровь со своих глаз.

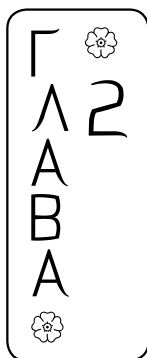
Это была катастрофа.

Я бросилась бежать, поскользнулась на льду и с трудом поднялась на ноги. Вот бы свет сделал противниц беспомощными. Пока они слепы, не смогут ни поймать меня, ни добраться до дома. Надо опередить Айви любой ценой.

Как только Совет получит известие о том, что я напала на трех Высших жнецов, да еще и на правнучку самого Анку, меня точно прикуют цепью в склепе на ближайшее тысячелетие. Надо сдать сосуды в Собрание, а потом вернуться домой и рассказать обо всем Нивену.

На бегу я оглядывалась через плечо, запоминая отполированные льдом булыжники, вечнозеленые гирлянды, дымоходы красного кирпича и колючие звезды. Я видела их в последний раз. С каждым шагом я прощалась с местом, которое никогда по-настоящему не любила, но это был весь мой мир.

Я перестала оглядываться и посмотрела вперед, потому что в конце концов выбора-то все равно не было. Не стану ждать, пока меня закуют в цепи. Уеду из Лондона и больше не вернусь.

На дальней окраине Лондона, где-то между ночными кошмарами и смутными снами, днем дремлют жнецы. В нашу обитель можно попасть только через катакомбы кладбища Хайгейт, пройдя сквозь ныне не существующую дверь. Ее создали в незапамятные времена, когда в наши края пришли бритты, и Анку пробил дыру в их мир, открыв ворота смерти. Но люди запечатали дверь, надеясь, что погибель к ним не проникнет: сначала деревом, затем камнем, потом скрепленными раствором кирпичами.

К девятнадцатому столетию люди почти забыли о двери и ее значении. Но когда церковные дворы переполнились костями, смертные стали подыскивать новое местечко за окраиной Лондона, чтобы хоронить покойников.

Волею судьбы люди устроили новое кладбище прямо над дверью. Оказывается, смерть притягивает нас помимо нашей воли.

Ни один фонарь не освещал путь через Хайгейт, но я могла отыскать дорогу домой даже в полной темноте.

Еще не успела я войти в главные ворота кладбища, а смерть уже тянула меня. Всех жнецов будто магнитом влекло к праотцу Анку. Как только я ступила на кладбищенскую землю, казалось, под кожей загудел поезд. Кровь быстрее заструилась по венам, пока я отмахивалась от иссушенных морозом ивовых ветвей и низко нависающих крон вязов. Я бежала по скользким дорожкам, а под ногами похрустывал снег.

Спотыкаясь, я пробиралась сквозь неровные ряды обледенелых надгробий, через скопления склепов, пока наконец не дошла до готической арки, ведущей в катакомбы. Притяжение становилось невыносимым, влекло в головокружительном трансе, пока я спускалась по ступеням в хладную тишину сырых кирпичей и темноты. Ни за что бы не прошла лабиринт, если бы не эта неодолимая тяга.

Наконец ладони наткнулись на стену, где ранее была дверь, а сейчас — только отсыревшие кирпичи да вырубленная вверху на арке надпись: «Появившись, Анку не уйдет с пустыми руками». Я стиснула часы в кармане, прижала ладонь к кирпичам, закрыла глаза и повернула время вспять, до начала начал.

Мгновения потекли сквозь золотые и серебряные шестеренки, проникли в мою кровь и через кончики пальцев просочились в стену. Столетия рухнули, раствор отсырел, и кирпичи рассыпались. Один за другим они вывалились из стены и уложились в сухие стопки, снова ожидая начала строительства.

Манипулировать предметами во времени было легко, поскольку я могла черпать их собственную энергию, а не тратить свою. Кирпичи способны лежать веками, прежде чем обратятся в пыль, так что для меня не составляло труда одолжить у них годы, вместо того чтобы расходовать

свои собственные. А затем можно было быстренько вернуть долг, собрав стену обратно.

Я шагнула в открывшийся проем, и притяжение наконец отпустило меня. Вдохнула полной грудью влажный ночной воздух, повернулась и закрыла за собой дверь. Кирпичи вернулись на прежние места, их скрепил мгновенно высохший раствор, и долг времени был погашен.

За порогом простирались бесконечные катакомбы, но занимали их не покойники, а спящие жнецы. Закрепленные на стенах фонари бросали слабые отблески на грязные полы и серые кирпичи. Уже почти настала Последняя жатва, и только запоздавшие с ночной смены собиратели бродили вокруг, мерцая серебристыми плащами в тусклом свете фонарей. Большинство жнецов скрылись до утра в личных покоях.

Я повернула направо и поспешила вглубь квартала. Низкие потолки сменялись высокими арками проемов, и наконец впереди распахнулся зал с гулким мраморным полом и рядами темных деревянных столов. К счастью, перед Последней жатвой в Собрании не толпились очереди.

Я подбежала к первому же столу и почти швырнула флаконы на поднос. Сборщик, молодой жнец, очнулся. Он растерялся от бесцеремонного вторжения, но, когда его взгляд остановился на мне, он нахмурился и выпрямился.

— Рэн Скарборо, — представилась я, толкая поднос к нему поближе.

— Я знаю тебя, — ответил сборщик, поднимая и нарочито медленно откупоривая первый сосуд. Ну конечно, меня все знали.

Молодой жнец зачем-то понюхал флакон, а потом рассмотрел на просвет, проверяя цвет и подлинность содер-

жимого. Сборщики регистрировали все ночные урожаи, а затем отправляли сосуды на обработку, где души наконец-то отпускали в потусторонний мир. Мой визави выбрал одну из трех десятков одинаковых ручек, торчащих в стеклянной банке, постучал ею о стол и вытащил из ящика учетную книгу в кожаном переплете. Положил перед собой, раскрыл скрипучую обложку и начал медленно перелистывать страницы, пока не добрался до чистой.

От нетерпения мне хотелось биться головой о стол.

Времени у меня было в обрез, но миновать Собрание нельзя. Я никогда не отличалась великодушием, особенно если меня зажимали в углу, но оставить души гнить в стеклянных флаконах вместо того, чтобы отпустить к месту вечного упокоения, где бы оно ни было, не рискнула бы. К тому же, если в учетной книге рядом с моим именем останется пустая графа, сборщик непременно лично явится отчитать нерадивую собирательницу. Вот только не хватало, чтобы мое исчезновение обнаружили еще до того, как на меня донесет Айви.

Но когда сборщик откупорил четвертый флакон, поднес к лампе и принялся крутить его десять мучительно долгих секунд, я засомневалась в том, что приняла верное решение.

Колокола Последней жатвы гулко отдались в кирпичных стенах, завибрировали в мраморном полу. В этот смутный час между ночью и днем церковные гримы выходили на поиски жнецов, желая обглодать их кости. Ночные урожаи к этому моменту следовало сдать, а дневные — обработать до Первой жатвы сумрака.

Сборщик со вздохом взял пятый флакон.

— Боюсь, придется отметить, что ты опоздала.

Я непроизвольно сжала зубы.

— Почему?

— Последняя жатва миновала.

Мои пальцы дернулись. Лампа на столе сборщика за- мерцала, вторя моему раздражению, но я медленно и глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться.

— Я пришла до Последней жатвы, — сказала я, стараясь говорить ровно.

— Согласно учетной книге, твой урожай не обрабо- тан, — ответил сборщик, покручивая в левой руке пятый флакон.

Я вздохнула и закрыла глаза. Конечно же, я понимала, что он сейчас делает. Наказав «опоздавшего», жнец заслу- жит похвалу от руководства. Самый легкий способ подняться по карьерной лестнице — поставить на место полукровку. Его непреклонность отметят, репутация сурового и непо- колебимого сборщика укрепитя, а я и пожаловаться не смогу. Даже если взорву лампу и швырну осколки ему в глаза, он не станет обрабатывать сосуды быстрее. Ускорить процесс могло разве что раболепие.

— Прости меня, жнец, — пробормотала я, склонив голову и опустив плечи. Голос звучал робко и испуганно. — Приношу извинения за опоздание.

Сборщик какое-то мгновение пялился на меня, словно удивляясь, что я так быстро сдалась. Но все же он был слиш- ком юным, алчным до власти и не больно пронизательным, поэтому я не очень-то боялась, что мою тактику разгадают. Вполне ожидаемо юнец презрительно усмехнулся, будто был и вправду оскорблен, и начал оценивать пятый флакон.

— Опоздание создает большие неудобства для Собра- ния и обработки, — прокомментировал он занудным то- ном, — хотя где уж полукровке уяснить суть работы про- священного жнеца.

Единственным допустимым ответом на эту провокацию было униженное молчание, поэтому я повесила голову и попыталась принять жалкий вид. Это было несложно, ведь воспоминания о недавних событиях до сих пор выкручивали мое сердце, словно мокрую тряпку, а кожа зудела от нервной чесотки так, что хотелось содрать ее и сбежать, пока меня не поймала Айви. Вместо этого приходилось подавленно торчать перед напыщенным клерком. Я представила себя Высшим жнецом. Вот сейчас дотянусь и впечатаяю физиономию юнца прямо в учетную книгу, разнесу вдребезги совиные очки — пусть знает, как задерживать и оскорблять меня.

Лампа на столе моргнула сильнее, и сборщик отвлекся, чтобы прикрутить ее, прежде чем закончить с последним флаконом. Затем положил все семь сосудов в лоток и нажал кнопку, запуская конвейер, который повез души на обработку. Как только юный жнец поставил напротив моего имени черную отметку, я вскочила и повернулась к выходу.

Пальцы сборщика вцепились в мой рукав, дергая назад.

Я смерила его взглядом, которым можно было расплавить стекло, но он лишь подтянул меня поближе.

— Мы не обсудили наказание, — напомнил юнец.

— Наказание, — повторила я, озираясь, чтобы посчитать, сколько людей заметят, если я сломаю ему шею. Слишком много.

— За твое опоздание, разумеется, — пояснил сборщик, кисло ухмыляясь.

Свет настольной лампы упал на его очки, превращая стекла в две сияющие белые луны.

Стандартной карой за нарушение комендантского часа была ночь у столба, с прикованными руками и ногами,

шею же фиксировали в узком отверстии: чтобы ты мог дышать, но при этом не мог проронить ни слова. Другим жнецам позволялось таскать тебя за волосы, лить на голову медовуху или обзывать тысячами прозвищ, пользуясь твоим бессилием. Но хуже оков и оскорблений были презрительные взгляды и усмешки собирателей, словно идеальные создания рассматривали уродливую зверюшку, не представляя, что у них может быть с ней общего. А еще хуже, если мимо пройдет мой отец под руку с мачехой, делая вид, что не замечает меня.

— Возвращайся к Первой жатве, — приказал сборщик. — Подыщем местечко у двери, где тебя подвесить.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы удержать спокойное выражение лица. В этот момент я должна была сказать: «Да, жнец» — и поклониться, но ему повезло, что я не ударила его кулаком в нос.

Будто почуяв неповиновение, сборщик притянул меня ближе к себе. Его очки попали в тень, открывая хмурый взгляд.

— Следи за выражением лица, — сказал он. — Помни: в будущем мне еще не раз предстоит обрабатывать твои урожаи.

«В будущем», — подумала я.

К счастью, не в моем будущем.

От выброса энергии лампа полыхнула и взорвалась. Осколки усыпали стол, горячие иглы вонзились в руки сборщика, бумаги вспыхнули. Он отпустил меня и принялся судорожно сбивать пламя со стола утыканными стеклом ладонями.

— Да, жнец, — ответила я с низким поклоном, чтобы юнец не заметил моей ехидной ухмылки.

Впрочем, он был слишком занят, бормоча: «Проклятые лампы, стоило оставить газовые светильники».

Я развернулась и побежала к западным катакомбам.

Распахнула дверь в комнатку 857-Вест, заперла ее и остановила время в мире за пределами своей комнаты так долго, как только могла. Во всяком случае, меня хватило на западные катакомбы, так что ни один жнец не мог вломиться, пока я не буду готова улизнуть. Конечно, если Высший жнец станет искать беглянку и почует махинации со временем, это не поможет, но хотя бы позволит выиграть несколько минут.

Сверху между перекладинами кровати свисала рука Нивена. Я хлопнула по ней, выводя брата из заморозки и одновременно пробуждая ото сна.

— Ты что творишь? — спросил он сверху хриплым спросонья голосом.

Между перекладинами выглянул зеленовато-лиловый глаз, второй прятался за прядью светлых волос и подушкой. Нивен не мог спать в темноте, поэтому оставлял зажженными свечи в углах комнаты и в шатком канделябре над головой.

Я махнула рукой, и все свечи вспыхнули вдвое ярче, сменив романтическое оранжевое сияние на ярко-белый стерильный свет. Нивен сдавленно фыркнул, но я уже рылась в сундуке у изножья кровати, разыскивая сумку для побега. Ничего подходящего не нашлось, поэтому я вытащила из шкафа ящики и опрокинула их, рассыпав по всему полу сломанные перья и звездочки оригами.

Наша комната представляла собой мрачную клетушку, сложенную из кирпича и вечно холодную от лежащих сверху глубоких слоев глины и земли. Нивен спал наверху, в окружении сверкающих деталек, шестеренок и стеклышек от разобранных механизмов. Я занимала нижнюю часть комнаты, мой матрас терялся в кипах краденых книг

на одиннадцати языках. В последнее время я увлеклась ботаникой, и на улицах Лондона мне удалось собрать несколько прекрасных ядовитых цветов: болиголов, наперстянку и волчье лыко. Я высушила их и развесила у Нивена на деревянных рейках, потому что жнецов привлекает смерть, а мои растения были одновременно очень смертоносными и очень мертвыми.

Я смела увядшие лепестки, нырнула в свой альков, вытаскала оттуда цветы и сунула в коричневую кожаную сумку.

Нивен свесил голову, разглядывая меня.

— С чего ты решила заняться уборкой в пять утра? — спросил он. — Да еще и время заморозила? Рэн...

— Я ухожу, — ответила я, пытаюсь отыскать в шкафу что-нибудь теплое, помимо блестящего серебряного плаща.

Можно было стянуть одежду какого-нибудь невезучего лондонца, но сначала придется выйти наружу, а сияющий серебряный плащ, мягко говоря, вышел из моды. Я попыталась сосредоточиться на сборах, а не на вопросах Нивена, так как любые слова отдавали безысходностью. А вдруг, если я промолчу, все окажется неправдой?

— Я слышал Последнюю жатву, — заметил Нивен, протирая глаза и спуская ноги сквозь перекладки. — Уже слишком поздно выходить наружу.

— У меня неприятности, — ответила я.

Что-то в моем тоне насторожило Нивена, он выпрямился и потянулся за очками, сталкивая шестеренки. Через мгновение брат взглянул на меня сквозь линзы огромными глазами, в этот момент немного напоминая стрекозу, и полез вниз по лестнице.

— Твои волосы, — хмурясь, произнес он.

Я непроизвольно попыталась ухватить остатки косы. В панике я почти забыла о волосах, надежно спрятанных

под капюшоном, но сейчас мои глаза зашипало от подступающих слез. Часть прядей по-прежнему оставалась длинной, но кусок был острижен до воротничка. Я промчалась мимо Нивена, выдвинула ящик стола, потом второй и третий, роняя винтики и пуговицы. Наконец схватила ножницы и попыталась изогнуться и закинуть руки назад, чтобы закончить начатое.

— Рэн, перестань! — окликнул Нивен, хватая меня за запястье и отбирая ножницы прежде, чем я успела воткнуть их себе в лопатку.

— Я хочу обрезать волосы! — крикнула я, протягивая руку за инструментом.

В фиолетовых глазах Нивена крутился миллион вопросов, но он не стал их задавать.

— Повернись. Я сам.

— Ты никогда никого не стриг, — возразила я.

— А ты не видишь свой затылок.

Я вздохнула и зажмурилась, повернувшись к нему спиной.

Щелканье ножниц, снова и снова кромсающих волосы, было невыносимо. Я старалась не вспоминать, как лежала в снегу. К счастью, Нивен справился быстро.

— Опять Айви?

Я ничего не ответила, повернулась к зеркалу на внутренней стороне дверцы шкафа и попыталась зачесать волосы назад, чтобы замаскировать короткие пряди.

— Рэн, что ты натворила? — спросил Нивен.

Я взглянула на его отражение. Глаза брата сияли холодным лиловым цветом и бесконечным терпением. Я закрыла дверь.

— Я ухожу, — повторила я, сбрасывая серебряный плащ и натягивая черное пальто с капюшоном. — Айви теперь

знает, на что я способна, и за мной скоро придут. Мне нельзя больше оставаться в Англии. Прости.

Слова прозвучали грубо и отрывисто, будто я спорила, но к глазам подступили слезы. Я не могла больше объясняться, иначе так и не успею собрать вещи. Насколько же легче злиться, чем ощущать себя разбитой.

Последнюю сотню лет я грезила сбежать из Англии, но не так — впопыхах. Это должно было произойти среди бела дня, пока Айви спит. Я думала, что соберу сумки и приготовлю поддельные документы. Мечтала о тщательной подготовке, чтобы комар носа не подточил. Но шанс совершить идеальный побег появился и тут же пропал. Я могу исчезнуть прямо сейчас или оставить попытки навсегда.

По крайней мере, первые шаги я продумала. Самое сложное — покинуть пределы Англии, где у жнецов повсюду шпионы и всем известно, как я выгляжу. Быстрее всего сесть на паром до Франции, который отплывает трижды в неделю. Французские жнецы, до сих пор горько переживающие Наполеоновские войны начала века, не обрадуются, если по их земле станут рыскать сотни британских жнецов в поисках беглянки. Выиграю время, и мой след потеряется. А уже оттуда благополучно направлюсь в Японию.

Я рассматривала все фотографии и изображения Японии, какие только могла найти в библиотеке. Сепийные снимки дворцов с покатыми крышами, тысячи узоров кимоно, разрисованные зонтики и бумажные веера.

Мне, не знавшей ничего, кроме Лондона, Япония казалась скорее ярким сном, нежели родиной. И эта страна была единственным местом в мире, где мне могли помочь. Хотя, конечно, возможно, что мама отдала меня отцу, Эмброузу, поскольку не хотела ребенка.

А вдруг папа меня украл? Или мама умерла. Но если она жива, то на вопросы мои ответит, пусть больше ничем и не поможет. Ведь даже бессердечный Эмброуз давал мне еду и кров над головой. Конечно же, мама, от которой я получила только имя, должна снизить по крайней мере до объяснений.

Я ни разу не пыталась сбежать, потому что всякий раз, когда садилась записать план, появлялся Нивен. Он улыбался и тащил меня к себе: показать разобранный телефон, новые самодельные очки или спасенного бельчонка. И в те минуты я забывала Айви и ее дружков, Эмброуза и мачеху Корлисс, — всех, кроме Нивена. Брат рассказывал о новом устройстве или спасенном зверьке, а я в это время думала: жнецы не должны любить, но бросить Нивена очень тяжело, как ни называй мои чувства.

А теперь у меня не было выбора.

— Прости, — повторила я, потому что молчание слишком затянулось, а я не могла даже глаза поднять на брата.

— Ладно, — спокойно ответил Нивен. — Хорошо, мне только надо кое-что собрать.

Я так и застыла, комкая серое платье.

— Нивен, — с трудом выговорила я, — тебе нельзя бежать со мной. Я пришла попроситься.

Но Нивен уже лез обратно. Он оглянулся через плечо, нахмурившись, будто я его сильно обидела, затем схватил сумку и стал запихивать в нее носки.

— Перестань, это просто смешно! — воскликнула я.

Он спрыгнул с лестницы, перебрал шестеренки на столе и смахнул все в саквояж.

— Нивен, — повторила я, отнимая сумку, в карман которой брат пытался запихнуть очередную горсть деталек.

— Эй! Отпусти...

— Нивен! — Я положила руки ему на плечи. — Если ты пойдешь со мной, то никогда не сможешь вернуться.

Решимость в глазах брата померкла. Ведь ему, в отличие от меня, следовало подумать о родителях. Он жил в мире, где мог стать кем-то значимым, особенно если я исчезну.

— Я знаю, — ответил Нивен.

— Ты не сможешь попрощаться с отцом и Корлисс.

— Я знаю, — повторил он, зажмурясь, затем перевел дыхание, распахнул глаза и накрыл ладонью мою кисть, чуть улыбнувшись. — Я не отпущу тебя одну, Рэн.

Брат аккуратно снял мои руки с плеч и возобновил сборы. У меня пропал дар речи, ведь я была недостойна подобной жертвы. Надо постараться уговорить Нивена остаться в Лондоне, в безопасности.

Но я отчаянно боялась уходить одна, меня успокаивал один лишь вид собирающего вещи брата. «Эгоистка», — обругала я себя.

Я надеялась, что Нивен от побега тоже что-то выиграет. Он не был создан для роли собирателя: плакал ночами, жалея собранные души, винил себя, а подобные чувства для жнецов недопустимы.

«В нем недостаточно смерти», — повторял отец.

В детстве он пытался учить Нивена забирать души у белок и кроликов, но тот всякий раз плакал и кричал, пока Эмброуз не сдавался. Корлисс пробовала читать сыну перед сном страшные истории про обезглавленных королей и средневековые пытки — любимые сказки большинства детей жнецов, — но Нивен только всхлипывал и прятался под одеяло.

— Вот почему Анку предупреждал нас, что Высшим жнецам положен единственный ребенок, — шептала Корлисс Эмброузу. — Один из них будет слабаком.

Мы с Нивеном знали все: сидели на моей кровати, прижимаясь ушами к стене и подслушивая.

Но сейчас брат упаковывал ювелирные инструменты и раздумывал, какие взять носки, полный решимости оставить ради меня свой мир. Так что, похоже, Корлисс ошибалась.

Через несколько минут вещи были собраны. Я взяла кое-какую одежду, второй нож и томик стихотворений Теннисона. Мне хотелось забрать с собой все книги, но в конце концов я вытащила из стопок на столе одну наугад и не сильно разочаровалась, увидев на корешке его имя. Он написал стихотворение «Всему суждено умереть», поэтому ничего удивительного, что собирательница любила его строки. Но еще Теннисон писал про Одиссея, который покинул дом в поисках лучшей жизни, совсем как я сейчас. «Никогда не поздно искать новый мир», — сказал бы он. Но понятие «поздно» очень относительно, если ты можешь обернуть время вспять. Холодный металл часов, зажатых в потной ладони, напомнил, что я уже слишком задержалась.

Во внутренний карман сумки, куда можно было поместить разве лишь несколько листков бумаги, я засунула фотографии Японии, вырванные из библиотечных книг. Я не призналась Нивену, куда собираюсь бежать, потому что боялась: он откажется от такого далекого и чуждого места. Ведь есть разница между тем, чтобы пересечь Ла-Манш, и поездкой через весь мир. Может, покажу ему картинки, когда мы спрячемся во Франции, и буду надеяться, что брат, как и я, очаруется далекой страной.

— Ладно, — наконец сказал Нивен, заматывая запасные очки в шарф и засовывая сверток в поклажу, — все, кажется, я готов.

Он застегнул саквояж и развернулся к двери, но вдруг замер, широко распахнул глаза и уронил багаж.

— Оливер! — вспомнил Нивен и побежал наверх.

— Оливер?

Нивен откинул покрывало и достал из-под него огромного серого кота.

— Еще один бродяга? — воскликнула я. — Нивен, я же хранила там ядовитые растения!

— Оливер просто спит, — успокоил меня брат, пренебрежительно махнув рукой, сгреб кота под мышку и взял саквояж. — Он очень ленивый.

— И безобразно раскормленный. Полагаю, его мы тоже берем с собой.

— Я не брошу Оливера! — воскликнул Нивен. — Мы же никогда не вернемся.

— Ладно, — вздохнула я. — Но если он шумный, лучше оставь его здесь. Я не собираюсь умирать из-за бродячего кота.

— Он хороший, — ответил Нивен, прижимая к себе вялого бродягу.

Я закатила глаза и перехватила сумку покрепче.

— Готов?

Нивен кивнул. Оливер моргнул.

Я открыла дверь и шагнула в катакомбы.

* * *

Мы спешили по тоннелям, не смея лишний раз вздохнуть. В этот тихий час между сумраком и рассветом расступаются призрачные границы и наружу выходят чудовища. Поэтому почти все жнецы в такое время спят по домам или ждут начала дневной смены. Лишь несколькими Высшим разрешается покидать жилище в сумерках.

Наши шаги отдавались влажными шлепками по каменному полу. Тоннели освещались лишь наполовину, многие фонари не горели: охрана придет зажечь их только через час. Тени бежали по стенам, темные и зыбкие в слабом неверном свете.

Я как раз собиралась свернуть за угол, когда угловатая тень возвестила о том, что в соседнем коридоре кто-то есть. По-видимому, более сильные жнецы одолели мою заморозку времени, иначе как они подобрались так близко?

Я затянула Нивена в нишу и взмахом руки погасила ближайšie фонари, опуская на нас толстое одеяло темноты. Прижав к груди сумку, я толкала коленом саквояж Нивена, пока брат не сообразил и не отодвинул его к стене. Несмотря на все стереотипы о легкомысленных собирательницах, я ограничилась только одеждой и книгой, а вот Нивен попытался прихватить с собой половину комнаты. Тень мы отбрасывали темную и бугристую. Конечно, лучше бы братец взял поменьше вещей, но, с другой стороны, он бросил все ради меня, и я просто не могла запретить ему лишнюю пару носков.

Нивен прижался ко мне; перепуганный стук его сердца, казалось, отдавался прямо в моих костях. Я не могла успокоить брата словами: вдруг услышат другие жнецы, поэтому обнадеживающе пожала ему руку, будто уговаривая: «Все в порядке, нас не найдут». Нивен слотнул и затаил дыхание.

Через мгновение из-за поворота выбежали два жнеца и промчались мимо нас, надежно укрытых одеялом темноты. Нивен облегченно выдохнул и прижался ближе.

Жнецы остановились в дальнем углу коридора прямо напротив нашей комнаты. Подергали ручку, обнаружили, что дверь заперта, после чего один отступил, а второй прижал руку к створке.

Черная краска облупилась с досок, словно старая змеиная кожа. Дерево начало стремительно гнить, приобретая болезненный серо-зеленый оттенок, и распадаться на куски, которые свалились на пол. Не промолвив ни слова, жнецы ворвались в комнату.

Страшно даже представить, что руки собирателей могли сотворить с моей кожей. Точно так же Высшие жнецы были способны украсть и мою жизнь, обернув время против меня и только меня.

Разгневать таких жнецов было очень опасно. Время столь сильно и изменчиво, что лишь некоторые избранные потомки Анку могли вознестись до Высших и научиться управлять временем не как инструментом, а как оружием. Низшие жнецы собирали души, а Высшие поддерживали среди них порядок.

— Они знают, — прошептал Нивен, словно без того было неясно, что Айви вернулась.

Брат наконец осознал реальность побега, и его глаза засветились тошнотворным зеленым оттенком. Теперь дороги назад не было.

Я попыталась придумать что-нибудь утешительное, но в голову не шло ничего, кроме откровенного вранья, а врать Нивену я не любила. Хотелось бы напести, дескать, у меня есть идеальный план, я одолею любого жнеца, который встанет у нас на пути, и защищу брата.

Но сегодня планы провалились. Все, что я могла сделать, все, что я когда-либо умела делать, — это выживать.

— Надо бежать, — шепнула я, сбрасывая покров тьмы и хватая Нивена за руку. Никто из нас не осмелился сказать вслух, что из катакомб есть только один выход.